

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации
Фроловой Юлии Игоревны
«Языковое выражение категории оппозиции в художественном
тексте на языке оригинала и языке перевода (на материале
английского, немецкого и русского языков)»,
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая,
прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Противопоставление может является одним из эффективных инструментов познания, ибо сущность исследуемого феномена наиболее полно раскрывается через рассмотрение его противоположности. Именно поэтому «категории оппозиции» служат способом объективного познания действительности в рамках научно-исследовательской деятельности, что было продемонстрировано соискателем в анализируемой диссертации «Языковое выражение категории оппозиции в художественном тексте на языке оригинала и языке перевода (на материале английского, немецкого и русского языков)».

Представленная на рассмотрение работа является **актуальной**, поскольку выбранная методология позволяет не только структурировать ассиметричное нарративное пространство художественного текста, но и выявлять ценностно-ментальные основы сопоставляемых народов, идентифицируя универсальные и идиоэтнические элементы их языкового самовыражения в ходе создания исходного текста романа Кадзуо Исигуро “Never Let me Go” и текстов его переводов на немецкий и русский языки.

Первое, что обращает на себя внимание – это трансдисциплинарность работы, реализующаяся в доказательстве перспективности исследований «категории оппозиции» в философии, логике, математике, психологии, когнитологии и в применении полученных результатов в диссертации.

Структура работы традиционна, включает в себя введение, три главы, заключение, список использованной литературы и приложение.

Во **введении** диссертации полно, логично и убедительно обоснованы все

его необходимые составляющие: цели, задачи, предмет и объект работы и т.д. Положения, выносимые на защиту, сформулированы таким образом, что позволяют не только с легкостью оценить степень их достоверности и реализации в ходе исследования, но и получить представление о существенных научных результатах, которые составляют **научную новизну** исследования.

С нашей точки зрения, к данному разделу диссертации можно отнести выдвижение категории оппозиции в качестве лингвистической и текстогенерирующей детерминанты постмодернистского художественного текста; выявление корреляции диалогизма смыслов и внутреннего единства постмодернистского художественного текста посредством категории оппозиции; установление специфики лексико-семантических, синтаксических, сюжетных и композиционных контрастивов в сопоставляемых языках; разработку и описание типологии оппозитивных паттернов в постмодернистском художественном тексте.

В **первой главе** исследования «Теоретико-методологическая основа изучения категории оппозиции» соискатель рассматривает аппозитивный алгоритм познания как форму упорядочивания сущего, начиная от базовой пропозиции «Я – другое», диалектики Платона, призывающей познать истину через сведение воедино противоречивых частных, до «диалектического материализма в составе марксистской философии» (стр. 25). На наш взгляд, в данном разделе не хватает анализа трудов русских философов, подходящих по тематике исследования. Например, можно было бы упомянуть М.К. Мамардашвили с его положением о необходимости создания для сформированного смыслообраза точной духовной формы или её невозвратной потере в противоположном случае. Интересны идеи П.А. Флоренского, описывающие философское мышление как итеративный процесс «ухода» и «возвращения» тем, каждый раз «усиленных и обогащенных, каждый раз наполненных по-новому содержанием и соком жизни» (Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Сочинения. Т.3. Книга 1.

Москва: Мысль, 2000, с. 37). Подходят для исследования сентенции Д.С. Мережковского, призывающего в своих философских герменевтических работах находить смысл, противоположный явному. Возможно было бы упомянуть работы Вл. Соловьева, который выделяет в основе бытия светлое начало – красоту, противостоящее хаосу и побеждающее его темную силу. Пропозиция темного и светлого начала иллюстрируется философом в поэтической форме, так же, как и в философских стихах Ф.И. Тютчева:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей.

В качестве положительного момента отметим, что исследование использования оппозиций в области этикета контактирующих культур подводят соискателя к обоснованному выводу о значительном различии англосаксонского и отечественного коммуникативного стилей, первый из которых характеризуется «как не прямой и личностный, а русский – напротив, как прямой и контекстуальный» (стр. 57).

Во **второй главе** «Языковая актуализация категории оппозиции» приводится обзор репрезентации «категории оппозиции» в языке и речи, описываются варианты классификаций фонологических оппозиций, отождествляются семантические оппозиции с понятием антонимии, синтаксические оппозиции описываются и позиционируются в качестве оформительных средств для лексических оппозиций. Внутритекстовые оппозиции определяются в качестве «выражения контраста», который «выступает частным случаем объективизации оппозитивности» (стр. 99). Поддерживаем вывод соискателя о том, что «контраст как сюжетно, так и композиционно в микро- и макроизмерениях генерирует подтекстовые (имплицативные) смыслы, заступающие за «территорию» конкретного текста и устанавливающие связь с культурной традицией этноса» (стр. 104).

Выскажем пожелание автору больше концентрироваться на собственных

аналитических выводах, нежели на описании существующих точек зрения. В некоторых местах мнение автора скрывается за именами лингвистов, как, например, на стр. 97 итоги рассмотрения вопроса о синтаксических оппозициях озвучиваются словами С.С. Петинной и Н.Б. Боевой.

Третья глава исследования «Средства выражения категории оппозиции в тексте оригинала и тексте перевода на материале романа Кадзуо Исигуро “Never Let me Go” («Не отпускай меня»)» является практической. В ней приводятся критические рассуждения отечественных и зарубежных исследователей об анализируемом романе Кадзуо Исигуро, творческих установках и морально-этических интенциях писателя.

В данном случае полагаем логичным было бы обратиться к теории коммуникации и рассмотреть не исключительно роль автора, а текст романа как дискурсивное сопряжение оппозиции деятельности автора и реципиента, ибо, в соответствии с теорией Е.В. Сидорова, коммуникативная деятельность отправителя сообщения (автора) строится на идеальной модели адресата (читателя) и его деятельности, в силу чего текст как знак замещает не только деятельность отправителя, непосредственным продуктом которой он является, но и деятельность адресата.

Поддержим мнение соискателя о наличествующих в романе идей о взаимодополнении культур Запада и Востока, а также экзистенциальных философских оппозиций добра и зла, истины и лжи, прогресса и деградации, и их вербальной репрезентации. В этой связи научный интерес представляет вывод о причинах несовпадения количества антонимических контекстов в тексте оригинала – 256, в переводе на немецкий язык – 273 и в русскоязычной версии – 294 (см. текст диссертации стр. 147-148, 158-159, 170-171). Теоретические положения основаны на обширном иллюстративном материале, сопоставляемые данные представлены в многочисленных таблицах, сопровождаемых обширными пояснениями.

Отмечаем научную обоснованность и важность вывода соискателя о компенсаторной деятельности переводчика в случаях когнитивно-

лексической лакунарности (стр. 146), когда для адекватного переложения ИТ на ЯП требуются изменение модальной принадлежности анализируемой оппозиции, использование противоположности в переводах, преобразование нелексической оппозиции в лексическую, использование разнообразных замен.

Проделанная научно-исследовательская работа позволила соискателю доказать гипотезу исследования.

Презентация языкового материала в диссертации целесообразна и логична. В качестве **материала** исследования был использован постмодернистский художественный текст общим объемом 1029 страниц.

Апробация диссертационных материалов в публикациях (6 работ), докладах на научных конференциях свидетельствует о большой **теоретической и практической значимости** исследования.

Безусловно, полученные в результате проделанной работы положения можно рекомендовать для использования в вузовских лекционных курсах по общему языкознанию, лексикологии, лингвистике текста, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, лингвострановедению; при чтении спецкурсов по когнитивной лингвистике, этносемантике, основам этнолингвокультурологического анализа текста, лингвокультурологическому комментированию.

Добавим, что диссертационное исследование Юлии Игоревны вызывает ряд **вопросов и замечаний**.

1. В исследование включён обширный обзор вопроса о фонологических оппозициях. Обоснуйте необходимость столь подробного освещения данных теоретических положений, при отсутствии их практической реализации. Возможно ли привести примеры фонологических оппозиций, исходя из материала исследования в рамках одного языка?
2. В диссертационном исследовании не просто анализируется текст романа Кадзуо Исигуро “Never Let me Go”, но и проводится

сопоставление ИТ с его переводами на немецкий и русский языки. На стр. 108 соискатель утверждает, что автору «отводится роль проводника между различными, иногда и полярными, мирами, их этническими, культурно-историческими, этико-аксиологическими матрицами». Возникает вопрос: какова роль переводчика и чем она отличается от роли автора?

3. На стр. 54 соискатель констатирует, что «частотным вариантом реализации этноспецифических оппозиций является лакунарность» и далее приводит в качестве примера «русское символическое противопоставление «заваривать кашу – расхлебывать кашу», базирующееся на ассоциативном отождествлении образа каши с источником жизненной энергии». Авторские варианты переложения данной оппозиции на английский и немецкий языки, несомненно, дополнили бы работу.

4. Рассуждая о категории оппозиции в математической интерпретации (стр. 32-34), было бы целесообразно упомянуть и о квантитативной лингвистике, методология которой непосредственно используется автором в исследовании со стр. 118 и далее.

5. В тексте работы имеется ряд опечаток (см., напр., стр. 110, 147).

Заданные вопросы и сделанные замечания не снижают общей **положительной оценки** глубокого комплексного исследования.

Содержание автореферата соответствует положениям диссертации. Публикации диссертанта по теме отражают основные результаты исследования.

Считаем, что в диссертации Фроловой Юлии Игоревны содержится самостоятельное решение задачи, имеющей важное значение для современной теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики. Результаты исследования можно охарактеризовать как новые, обоснованные и достоверные.

Диссертация соответствует разделу II Положения о присуждении ученых степеней федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов», утвержденного Ученым советом РУДН протокол № 12 от 23.09.2019 г., а её автор – Фролова Юлия Игоревна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Новикова Марина Геннадьевна
доктор филологических наук (10.02.20),
доцент, профессор кафедры
иностранных языков ФГБОУ ВО
«Российский государственный
университет правосудия» (РГУП)

/М.Г. Новикова/

«28» ноября 2022 г.

117418, Россия, Москва,
Ул. Новочеремушкинская, 69.
Тел.: +7 (495) 332-55-55
Адрес сайта: <https://rgup.ru>
E-mail: Novikova_mg@mail.ru

